

Сергей Александрович Есенин (1895-1925)

* * *

Шел Господь пытаться людей в любви,
Выходил Он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом в дуброве
Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой,
Знать, от голода качается, болезный».

Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь».

1914

* * *

Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звёздные псалмы.

Я вижу - в просиничном платё,
На легкокрылых облаках,
Идёт возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Она несёт для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
«Ходи, мой Сын, живи без крова,
Зорюй и полднюй у куста».

И в каждом страннике убогом
Я признавать пойду с тоской,
Не помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в ельнях - крылья херувима,
А под пеньком - голодный Спас.

1914

* * *

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год
С подожочка и котомки
Богомольный льётся пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выглодала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

1914

Осень

Р.В.Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень - рыжая кобыла - чешет гриву.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг её подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнёт листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

1914(?)

* * *

За горами, за жёлтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее полымя,
И обвитый крапивой плетень.

Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озёр водяной ветерок.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зелёная ширь -
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идёшь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.

1916

* * *

Проплясал, проплакал дождь весенний,
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
Подымать глаза...

Скучно слушать под небесным древом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил!

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времён.
Не в ветрах, а, знать, в томах тяжёлых
Прозвенит твой сон.

Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи,
Вытянет персты.
Близок твой кому-то красный вечер,
Да не нужен ты.

Всколыхнёт он Брюсова и Блока,
Встормошит других.
Но всё так же день взойдёт в востока,
Так же вспыхнет миг.

Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа...
Навсегда твои пригвождены ко древу
Красные уста.

Навсегда простёр глухие длани
Звёздный твой Пилат.
Или, Или, лама савахфани,
Отпусти в закат.

1917

Вьюга на 26 апреля 1912 г.

(Из цикла "Больные думы")

Что тебе надобно, вьюга,
Ты у окна завываешь,
Сердце больное тревожишь,
Грусть и печаль вызываешь.

Прочь уходи поскорее,
Дай мне забыться немного,
Или не слышишь - я плачу,
Каюсь в грехах перед Богом.

Дай мне с горячей молитвой
Слиться душою и силой,
Весь я истратился духом,
Скоро сокроюсь могилой.

Пой ты тогда надо мною,
Только сейчас удалися,
Или за грешную душу
Вместе со мной помолися.

1915

* * *

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою.
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналя
Воробей псалтырь читает.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов - как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке ряжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо Его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат Ему: «Осанна»

1914

Послание «евангелисту» Демьяну Бедному¹

Я часто думаю, за что Его казнили,
За что Он жертвовал своею головой,
За то ль, что, враг суббот, Он против всякой гнили
Отважно поднял голос свой?

За то ли, что в стране проконсула Пилата,
Где культом кесаря полны и свет и тень,
Он с кучкой рыбаков из бедных деревень
За кесарем признал лишь силу злата?

За то ли, что, себя на части разорвав,
Он горю каждого был милосерд и чуток
И всех благословлял, мучительно любя:
И маленьких детей, и грязных проституток?

Не знаю я, Демьян, в «евангелъе» твоём
Я не нашел правдивого ответа.
В нём столько бойких слов, ох, как их много в нём,
Но слова нет, достойного поэта.

Я не из тех, кто признает попов,
Кто безотчетно верит в Бога,
Кто лоб свой расшибить готов,
Молясь у каждого церковного порога.

Я не люблю религии раба,
Покорного от века и до века.
И вера у меня в чудесное слаба,
Я верю в знание и силу человека.

---

¹ Стихотворный ответ на написанный в 1925 г. Демьяном Бедным «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна». «Ответ» сразу же разошёлся, не смотря на запрет, в большом количестве копий за подписью Сергея Есенина. Были предприняты попытки объявить настоящим автором «Ответа» малоизвестного поэта Николая Горбачева. Однако некоторые исследователи считают, что обстоятельства установления авторства, а также стиль и мастерство написания «Ответа» указывают на авторство Сергея Есенина.

Я знаю, что, стремясь по нужному пути,
Здесь, на земле, не расставаясь с телом,
Не мы, так кто-нибудь да должен же дойти
Воистину к Божественным пределам.

И все-таки, когда я в «Правде» прочитал
Неправду о Христе блудливого Демьяна,
Мне гадко стало так, как будто я попал
В блевотину, извергнутую спьяна.

Пусть Будда, Моисей, Конфуций и Христос
Далекий миф — мы это понимаем,
Но все-таки нельзя, как годовалый пес,
На всех и вся захлебываться лаем.

Христос, сын плотника, когда-то был казнен.
Пустое это — миф, но все ж, когда прохожий
Спросил Его: «Кто ты?» — ему ответил Он:
«Сын человеческий», а не сказал: «Сын Божий».

Пусть миф Христос, как мифом был Сократ,
И не было Его в стране Пилата.
Так что ж от этого и надобно подряд
Плевать на то, что в человеке свято?

Ты испытал, Демьян, всего один арест,
И ты скулишь: «Ох, крест мне выпал лютей».
А что, когда б тебе Голгофский дали Крест
Иль чашу с едкою цикутой?

Хватило б у тебя величья до конца
В последний час, по их примеру тоже,
Благословлять весь мир под тернием венца
И о бессмертии учить на смертном ложе?

Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил,
Ты не задел его своим пером нимало.
Разбойник был. Иуда был,
Тебя лишь только не хватало.

Ты сгустки крови у Креста
Копнул ноздрей, как толстый боров.
Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакеевич Придворов.

И ты свершил двойной тяжелый грех —
Своим дешевым балаганным вздором
Ты оскорбил поэтов вольный цех
И малый свой талант покрыл большим позором.

Ведь там, за рубежом, прочтя твои стихи,
Небось злорадствуют кликуши:
«Еще тарелочку Демьяновой ухи,
Соседушка, мой свет, пожалуйста, покушай».

А русский мужичок, читая «Бедноту»,
Где «образцовый труд» печатали дуплетом,
Еще отчаянней потянется к Христу,
А коммунизму мат пошлет при этом.